

В своей работе Ландау стремится все-сторонне осветить жизнь Омского театра, рассказать о всех больших и малых событиях в его творческой практике. Это, конечно, очень хорошо. Но с этим стремлением охватить возможно более широкий материал и привлечь максимальное количество спектаклей связан и основной недостаток, присущий книге Ландау. Пытаясь не пропустить ничего, автор нередко придает главам своей книги чрезмерно беглый, обзорный характер. За быстро сменяющимися именами, названиями, фактами начинает исчезать и теряться непосредственное ощущение театральной жизни города. Из-за обращения к десяткам второстепенных эпизодических спектаклей автору подчас не хватает места для полноценного и всестороннего анализа спектаклей значительных и этапных.

Есть у книги и еще один серьезный недостаток, значительно снижающий ее общую познавательную ценность. Речь идет об ее языке. И дело здесь не в отдельных стилистических неточностях и небрежностях, вроде сообщения о том, что «военные составляли почти $\frac{1}{3}$ всего военного населения в крае...» (стр. 10), или что среди «крупных театральных деятелей... можно назвать гастролы В. В. Чарского ... и в особенности Г. Н. Федотовой» (стр. 31), или запутанной фразы на 90-й стр.: «Сближение актера с новым современным героем в пьесах советских авторов, глубокий, многосторонний, цельный характер которого, а главное совершенно новое внутреннее содержание, новое отношение к труду открывали перед ним огромные творческие возможности». Таких явных ляпсусов в книге немного.

Гораздо хуже то, что в целом языку книги не хватает живости, яркости, образности. В результате с ее страниц перед читателем не возникает зримого и осязательного облика тех людей, которым была обязана своими успехами омская сцена. Не дает автор и образного, конкретного представления о лучших спектаклях театра, в том числе даже спектаклях самого последнего времени.

То тут, то там непосредственное описание спектакля и роли подменяется трафаретными эпитетами вроде, например, следующего: «тепло и правдиво играет...», «яркий

образ простой героической советской женщины создала...».

Из недостатков более частного порядка необходимо указать на противоречивость в оценке деятельности неоднократно цитируемого в книге критика омской газеты «Степной край», писавшего в предреволюционные годы под псевдонимом «Откровенный театрал». Приводя одно из его высказываний на стр. 27-й своей книги и не соглашаясь с его точкой зрения, Ландау говорит о нем, как о космол критике, стороннике игры с «оглядкой» на высокопоставленного зрителя. Но уже через три страницы, приводя другое высказывание того же «Откровенного театрала», Ландау говорит, что его устами «передовая интеллигенция, понимавшая высокую роль, которую призван был играть театр в провинции, защищала свои общественные и художественные позиции».

Грубой фактической неточностью является и зачисление знаменитого провинциального актера Н. Х. Рыбакова (1811—1876) в группу актеров-трагиков романтического типа, по заверению автора книги, появившихся в России «после революции 1905 г.». Такое утверждение неверно не только потому, что здесь явно забыты даты жизни Рыбакова, но и по существу, так как тип «актера-романтика, трагика по преимуществу» вообще сложился на русской сцене почти за сто лет до революции 1905 года.

На стр. 69-й автор говорит о запрещенных до революции пьесах, посвященных лицам царской фамилии: «Николай II», «Петр III» и «Екатерина II». Но пьесы эти царской цензурой никаким образом не могли быть запрещены, так как написаны они были уже после Октябрьской революции.

Все эти большие и малые недостатки книги Ландау, вызывая у читателя закономерное чувство досады, тем не менее, не снимают общей положительной оценки, какой заслуживает работа.

Автор проделал серьезный и кропотливый труд, собрав воедино и осмыслив большой и малоизвестный нам материал; он вписал в общую историю русского и советского театра еще одну страницу — историю театра большого периферийного города. Наконец своей книгой автор сделал ценный почин для многих театроведов на местах.